

О. В. Зырянов**Наполеоновская легенда и наполеонический комплекс
в русской литературе: аксиологический аспект**

Наряду с наполеоновской легендой эпохи романтизма выделяется сформировавшийся в русской литературе наполеонический комплекс, отмечаются его ведущие черты и аксиологические основания. В анализе рассказа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Наполеон» прослеживается авторская тенденция к бытовому «заземлению» личности наполеонического героя, воспринимаемого с позиции духовно-нравственных ценностей русского народа. Корректируются устоявшиеся представления о национальных стереотипах немцев и французов.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт; наполеонический комплекс; биографическая легенда; аксиология; национальный стереотип; Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Личность Наполеона получает в русской литературе двойственное воплощение. И зависит это не только от исторической дистанции («большое видится на расстоянии») и от эстетической парадигмы художественности (классицизм — романтизм — постромантизм). Хотя, естественно, указанные факторы нельзя сбрасывать со счетов. Взять хотя бы пушкинские признания о Наполеоне. Как отличаются, например, от выдержанных еще в классицистической парадигме стихотворения «Наполеон на Эльбе» (1815) и оды «Вольность» (1817) с ее призывом «Самовластительный злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу, / Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостью вижу»¹) последующие, уже романтические по духу, ода «Наполеон» (1821) и элегизированное послание «К морю» (1824). Парадоксальность пушкинской формулы приоткрывает в исторической личности Наполеона его поистине роковое

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Л., 1977. Т. 1. С. 284.

предназначение: «Хвала!.. Он русскому народу / Высокий жребий указал / И миру вечную свободу / Из мрака ссылки завещал»².

Как показывает опыт пушкинской поэзии, биография Наполеона подвергается существенной мифологизации. В аспекте индивидуального и коллективного мифотворчества мы можем говорить о создании особой — *наполеоновской* — легенды. В создании ее важен отбор и акцентировка определенных биографических и исторических фактов, которые представляются наиболее значимыми и характерологическими именно с позиции мифотворчества. Выделим в хронологическом порядке основные вехи биографии Наполеона как историко-мифологического лица, оказавшиеся особо востребованными русскими поэтами-литераторами.

Во-первых, это принятие знаменитого Гражданского кодекса Наполеона, закрепившего основные достижения буржуазной революции и парадоксально совпавшего («бывают странные сближения») с расстрелом во рву Венсенского замка герцога Энгиенского (21 марта 1804)³.

Во-вторых, происшествие в Яффе во время египетского похода, когда в отступающей после поражения под Сен-Жан-д'Арк армии Наполеона появляются случаи заболевания чумой. По одной версии, Наполеон предложил врачу дать больным солдатам смертельную дозу опиума. По другой — великий полководец, стараясь воодушевить больных солдат, пожимал им в лазарете руки, проявляя тем самым акт героизма и самоотверженности. Показательно, что в стихотворении «Герой» (1830) Пушкин отдает предпочтение именно второй версии, возвышающему душу «обману», противопоставляя его, по собственному признанию, «тьме низких истин», наполняющих историю.

В-третьих, заточение Наполеона на острове Св. Елены, когда гений его «угасает» в одиночестве и страшной тоске от разлуки

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 2. С. 60.

³ См. в этом плане парадоксальное сближение образов Бориса Годунова и Наполеона в пушкинских заметках на полях статьи М. П. Погодина «Об участии Годунова в убийстве царевича Димитрия»: «А Наполеон, убийца Энгиенского, и когда? Ровно 200 лет после Бориса» (Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 7. С. 386).

с сыном. Именно данный сюжет будет положен в основу пушкинской оды «Наполеон» (1821).

Наконец, в-четвертых, историческое событие, относящееся уже к посмертной судьбе Наполеона: речь идет о решении перезахоронить прах великого полководца в Париже накануне двадцатилетия со дня его смерти, в декабре 1840 г. На данное событие находим в русской литературе многочисленные отклики, в том числе и специальные циклы стихов А. С. Хомякова и М. Ю. Лермонтова.

Итак, когда речь идет о складывании наполеоновской легенды, то это вполне объяснимо как результат апологии исторического героя, акт его романтизации: герой является в ореоле исключительности, представляя трагически страдающим и отверженным, вообще непризнанным или недооцененным обывательской массой, толпой. В таком случае в образе Наполеона как исторического лица акцентируются, как правило, ценностно-позитивные черты.

Совсем иначе обстоит дело с так называемым наполеоническим комплексом. По сути, это все тот же образ Наполеона, его концептуально осмысленная биография, но на этот раз уже пропущенные через призму национального самосознания, отраженные в зеркале этнопоэтики. Напомним, что этнопоэтика (как вполне законная часть исторической поэтики) призвана «изучать национальное своеобразие конкретных литератур» и, в частности, ответить на вопрос, что «делает русскую литературу русской»⁴. Черты Наполеона-антихриста, воплощение непомерного индивидуализма, беспрецедентной в истории человечества гордыни — вот что прежде всего акцентирует в наполеоническом комплексе русская классическая литература. Пример поистине поучительный и требующий вдумчивого аналитического объяснения!

Пожалуй, впервые национально-ценностная модель, развернутая рефлексия на данную тему появляется во второй главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкина:

⁴ Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. Петрозаводск, 1994. С. 9.

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно⁵.

Наполеонический комплекс как тип мироощущения и жизненного поведения героя представлялся поэту существеннейшей проблемой в понимании современного человека и, может быть, человеческой природы вообще. Постоянные раздумья величайшего русского художника над личностью и судьбой Наполеона отзываются, казалось бы, в самых далеких от этого героя сюжетах⁶. Более того, вполне возможно, что присущее Пушкину неприятие индивидуалистической философии и пафоса безоглядного самоутверждения личности поддерживается постоянным присутствием в его художественном сознании образа Наполеона, подкрепляется — от противного — примером этого обреченного героя-титана, своеобразного сверхчеловека. Так, к примеру, прослеженная Пушкиным в душе Германна (героя «Пиковой дамы») борьба макро- и микро-человека, о чем так вдумчиво писал в свое время Н. Я. Берковский⁷, задает, по сути, центральную нравственно-философскую коллизию всей последующей русской литературы, вплоть до Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

На фоне пушкинских оценок «всего великого в человеке» последователь Н. В. Гоголь предстает как изобразитель «пошлости пошлого человека». В своем антропологическом эксперименте он выступает как первооткрыватель «дифференциальных

⁵ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 5. С. 36.

⁶ См.: Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон : (пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин : исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 5–32.

⁷ Берковский Н. Я. О «Пиковой даме» (заметки из архива) : (публикация М. Н. Виролайнен) // Рус. лит. 1987. № 1. С. 61–69.

исчислений» в литературе и на этой почве подвергает серьезной мутации саму идею наполеонической личности, высвечивая в ней нечто фантасмагорическое. Вспомним героя гоголевской поэмы Чичикова, в котором обитатели губернского городка признали «переодетого Наполеона», находя, что «лицо Чичикова, если он поворотится и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона». Слухи о Чичикове приобретают столь фантастический характер, что, по предсказаниям некоторого местного пророка, вырастают в целую апокалипсическую картину: «Наполеон есть антихрист и держится на каменной цепи, за шестью стенами и семью морями, но после разорвет цепь и овладеет всем миром»⁸.

Наконец, Ф. М. Достоевский в своем романе «Преступление и наказание» напрямую сближает преступную теорию Раскольникова с именами «законодателей и установителей человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее»⁹. Вопрос, который встает во всей своей неразрешимости перед Раскольниковым, по существу определяя завязку романного сюжета: «...Что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы вместо всех этих красивых и монументальных вещей просто-запросто одна какая-нибудь смешная старушонка, легистраторша...»¹⁰ Глубоко символично, что указанному перечню «сверхчеловеков», замыкающемуся именем Наполеона, противостоит у Достоевского образ Христа, ибо Человекобог принципиально противоположен обожествляющему свою гордыню сверхчеловеку. «Восстановление погибшего человека», по Достоевскому, — это и есть окончательное освобождение от наполеонического комплекса, выход человека на путь христианского смирения и покаянной молитвы.

⁸ Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 5. М., 1994. С. 188.

⁹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 6. Л., 1973. С. 199–200.

¹⁰ Там же. С. 319.

В контексте нашего разговора примечателен «наполеоновский» цикл А. С. Хомякова, печатающийся в журнале «Москвитянин» (1841, № 1–3) и созданный по поводу торжественного перенесения останков Наполеона с острова Св. Елены в Париж в ноябре 1840 г. («На перенесение Наполеонова праха», «7 ноября», «Еще о нем»). Наполеон, в оценке Хомякова, — сверхчеловек, в конечном счете — Человекобог. Отметим оценочные характеристики: «Помазанник собственной силы!»; «И в те дни своей гордыни / Он пришел к Москве святой, / Но спалил огонь святыни / Силу гордости земной»; «Перед сном его могилы / Скажет мир, склоняся главой: / Нет могущества, ни силы, / Нет величья под луной!»; «Как будто сложили под вечный покров / Всю силу души, и всю славу веков, / И всю гордыню людскую»¹¹. Путь героя, по Хомякову, — это форма духовно-практического освоения мира, обусловленная не только историко-географическим, но и национально-этническим, более того, этноконфессиональным фактором. В этой связи принципиальное значение получает именно оценочный (этико-эстетический) момент в характеристике героя, ибо качество его подвига во многом зависит от критерия духовно-нравственного целеполагания. Что касается образа Наполеона, то он у Хомякова призван подчеркнуть идею мнимого возрождения, мотив земного и бrenного, по словам самого поэта, «могучего праха». Эта идея особенно контрастно проступает на фоне обрисовки других героических личностей в творчестве поэта — национально-патриотических героев, приоткрывающих ценностные контуры авторского идеала, таких как легендарные Вадим и Ермак.

Схожие оценки личности Наполеона находим в стихотворном цикле Ф. И. Тютчева «Наполеон», состоящем из трех частей: «Сын Революции, ты с матерью ужасной...» (своего рода прелюдия), «Два демона ему служили...» (центр композиции), «И ты стоял, — перед тобой Россия!» (закономерный финал). Оценки поэта, строго выдержанные в свете этноконфессионального идеала, поразительным образом совпадают с теми, что мы наблюдали

¹¹ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 118–120.

у Хомякова: «Не одолел ее [революции] твой гений самовластный!»; «Он был земной, не божий пламень, / Он гордо плыл — презритель волн, — / Но о подводный веры камень / В щепы разбился утлый челн»¹².

Обратимся к достаточно позднему и неоднозначному отражению наполеоновской темы в русской литературе — рассказу Д. Н. Мамина-Сибиряка «Наполеон». Данное произведение было впервые опубликовано в журнале «Юная Россия» (1907, ноябрь) и с тех пор не переиздавалось. Рассказ примечателен в нескольких отношениях. Прежде чем обратиться к смыслу его заглавия, исследуем образно-персонажную систему произведения.

Действие рассказа происходит в российском провинциальном городке Крутояр. Но в качестве основных героев писателем выбраны представители трех наций: русский мещанин Иван Иванович Шкарин, обрусевший «честный вестфальский немец» Карл Федорович Штурм (в последующей части рассказа, по всей видимости опечатка, — Штарм) и, наконец, «таинственный француз» по прозвищу Наполеон. Подобный прием совмещения в сюжете представителей различных наций (русский, немец и француз) чем-то напоминает избитую анекдотическую ситуацию. И действительно, у каждого из героев можно отметить доведенные до предельной типологической выраженности те или иные черты национального характера и стереотипы национального поведения. Забегая несколько вперед, форсируя проблемно-тематический анализ рассказа, можно сказать, что смысл его в том и заключается, что центральное событие (встреча и знакомство с «таинственным Наполеоном») призвано скорректировать устоявшиеся представления о национальных стереотипах, в первую очередь, конечно, героев — немца и француза. Но обо всем по порядку.

Открывается рассказ описанием «честного старого баварца» Карла Федоровича, торговца колбасной лавки. В его поведении отмечаются прежде всего аккуратность и пунктуальность,

¹² Тютчев Ф. И. Лирика : в 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 116–117.

выверенная расчетливость и умеренность всех действий и поступков: «Да, Карл Федорыч выпивал одну бутылку (пива. — *О. З.*) за обедом и одну вечером, — и только»¹³; «...соседи, глядя на часы, говорили: “Карл Федорыч открыл двери (магазина. — *О. З.*)”, — значит ровно восемь часов. Эта дверь с такой же точностью затворялась в восемь часов вечера» (с. 790). Полная размеренность распорядка дня обрусевшего немца подчеркивается и описанием его «второй половины», законной супруги Амалии Карловны, готовившей каждое утро своему благоверному добрый немецкий «кафе».

Жизнь в российском провинциальном городке, естественно, не могла не наложить особый отпечаток на психологию баварского немца. С одной стороны, она вселила в него панический страх и породила в его душе стихийно-дерзостный вызов русским обычаям: «Ведь нынче так просто и легко убивают, стоит развернуть любую газету... А русские присяжные оправдывают всех убийц, и даже очень просто. “Иванов, признаете себя виновным в убийстве честного вестфальского немца Карла Федорыча Штурм?” — “Никак нет-с...” — “Ну, тогда вы очень свободны и никогда не убивайте вперед одного честного вестфальского немца”» (с. 791). С другой стороны, она вызвала к жизни переимчивость некоторых русских черт даже на уровне суеверий и предрассудков (например, рыболовных и охотничьих примет). Показательна в этом плане сцена с курной избушкой, от которой поначалу немец жестко отказывался («Я честный баварец и не желаю быть свиньей...»), но потом, наученный горьким опытом, даже полюбил в ней спать. «Погоди, хитрый немец, на сердитых-то воду возят» (с. 803) — это предупреждение его друга Шкарина, опирающегося на вековой опыт русского народа, в конце концов оправдывается и в отношении хитроумно-незадачливого немца.

Второй герой рассказа — Иван Иванович Шкарин — русский мещанин, типичный провинциал и, в отличие от своего

¹³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Наполеон. Рассказ // Юная Россия. 1907. Июль. С. 789. Далее все цитаты из этого произведения приводятся с указанием соответствующей страницы в тексте.

немецкого друга, не женатый. «Он все на свете знает» (с. 792); не случайно у него «любопытные серые глаза» и он первым делает визит к Наполеону, добывая достоверную информацию о таинственном французе. Однако в его биографии есть тоже загадочные лакуны, поэтому-то он и аттестуется как «известный-неизвестный Иван Иванович». Но по русской привычке герой душевно открыт навстречу другим, способен заводить дружбу и поддерживать с собеседником оживленный разговор. В этом плане показательна реакция на появление непрошеного гостя в Курье (как оказывается, Наполеона) со стороны русского Ивана Ивановича и его немецкого друга: «Гостя Бог послал...» — «А мы ему сделаем “хапен гевезен”...» (с. 798).

Еще одна отличительная черта Шкарина — привычка «употреблять иностранные слова, смысла которых он не понимал, а повторял, как попугай» (с. 796). Но за этой привычкой, пусть и выраженной в столь неловкой форме, не просматривается ли известная национальная черта — способность русского человека к «всемирной отзывчивости»?

Некоторая неукорененность в бытии — еще одна типично национальная черта Шкарина, который, по аттестации автора-повествователя, был «один из тех удивительных русских людей, которые не знают, чем и как и для чего они существуют на белом свете» (с. 794). Отсюда, может быть, некоторая разбросанность и неумность жизненной энергии героя, особенно выделяющиеся на фоне деловой сконцентрированности и погруженности в устоявшийся семейный быт немца Карла Федоровича. Наконец, пожалуй, решающее этноконфессиональное отличие — религиозный настрой Шкарина, особенно заметный в следующем эпизоде: «По речной затихшей глади медленно и торжественно плыли, густой волной, перекаты городских колоколов, точно перекликавшихся между собой: “Господи, помилуй...” — шептал Шкарин и крестился» (с. 802).

С указанной чертой, наиболее присущей именно русскому персонажу, согласуется и позиция автора-повествователя. В его дискурсе особую значимость приобретает типичный ландшафт

провинциального русского города, расположенного по реке и изобилующего церковными постройками. Панорамный вид, или перспектива сверху, с обязательным высвечиванием культовых сооружений — излюбленная точка зрения маминского повествователя, специфическая черта изображаемого им ландшафта: «С середины реки открывался чудный вид на весь город, красиво раскинувшийся по левому крутому берегу. Белели монастырские стены, веселыми огоньками вспыхивали золоченые кресты церквей...» (с. 797); «С реки уже потянуло холодом, по низким береговым местам ползал волокнистый туман. Освещенным оставался только противоположный крутой берег, на котором ярко блестели золотые маковки городских церквей» (с. 802).

Именно точка зрения русского человека, ментальность русского народа, его духовно-нравственный настрой торжествуют в смысловой структуре маминского рассказа, высвечивая сквозь анекдотическую природу повествования закономерно притчевые черты. Не случайно в качестве неотложного средства лечения страдающего простудой героя-француза вместо коньяка (уж не коньяк ли «Наполеон»?¹⁴) предлагаются «русские капли»: «Карл Федорыч умел быть гостеприимным, а Наполеон не умел пить русской водки. Он с трудом выпил свою рюмку и закашлялся» (с. 808).

Третий герой — французского происхождения «какой-то черномазый человек, с козлиной бородкой, в золотых очках», собственно и давший имя рассказу, — лицо загадочное. Первое появление его в сюжете уже примечательно. После того, как герой-француз вежливо раскланялся с Карлом Федоровичем, он посылает ему к тому же воздушный поцелуй. Для представителя «зефирной» нации такое поведение, пожалуй, вполне объяснимо, но немец Штурм, по понятным причинам, принимает такую фамильярность со стороны

¹⁴ Отправляясь в Курью на рыбную ловлю, француз берет с собой бутылку коньяка как средство лечения от простуды, любезно предлагая коньяк своим попутчикам. Вполне вероятно, что Мамин-Сибиряк обыгрывает здесь марку самого лучшего и дорогого коньяка Франции, известную еще с 1811 г. под именем «Наполеон» (данная марка означает, что коньяк провел в дубовой бочке не менее 6 лет).

француза за дерзостную выходку. Реакция его супруги еще более характерна: «Амалия Карловна без очков прочитала надпись (вывеску с крупными золотыми буквами «Наполеон». — *О. З.*) и в ужасе прошептала...»; «...Амалия Карловна в ужасе всплеснула своими полными ручками» (с. 791); «Добрая старушка еще более удивилась, когда узнала о неожиданной встрече с таинственным Наполеоном, и даже всплеснула руками от ужаса, что он выдает себя за самого потомка герцога Рейхштадского» (с. 806). Реакция доходит до гиперболизированного и гротескового выражения: «Карл, он [француз-сосед] нас непременно однажды убьет!..» (с. 791). С именем Наполеона у супруги баварского немца после долгого размышления связывается лишь одна ассоциация, что «Наполеон был злой человек и всю жизнь делал что-то очень скверное» (с. 792). Реакция самого Карла Федоровича заставляет припомнить чисто гоголевский контекст: «Проклятый Наполеон не выходил из головы...» (с. 792); «Знаем мы таких Наполеонов... Или с каторги убежал, или делает фальшивую монету» (с. 793). По своему профессиональному статусу новый сосед-француз — часовщик, что подчеркивают и золотые часы на его вывеске. Но у вестфальского немца на сей счет возникает вполне обоснованная догадка: «Может, он и зубы вставляет?». Более того, уж не еврей ли он? Данное предположение рассеивает Иван Иванович, заявляя, что сосед-ремесленник — «француз из Виленской губернии».

Второе появление француза — в Курье, во время рыбной ловли — представляется столь же неожиданным и загадочным. Аттестация героя «чертом», «фруктом», а также «фунтом» (возможно, из расхожего выражения «фунт лиха») далеко не случайна и выдает некие inferнальные коннотации в самом имени и образе Наполеона. Но о каком Наполеоне вообще может идти речь, если принять во внимание время действия рассказа?

Во-первых, следует отметить сниженное обывательное изображение Наполеона, его комическую заземленность (речь героя в пересказе Шкарина): «У нас (т. е. в Виленской губернии. — *О. З.*), говорит, Наполеонов сколько угодно... Совсем, говорит, еще маленький,

только что еще начинает ползать по полу, а уже Наполеон» (с. 793). Отметим также практически сливающуюся с опытным охотничьим глазомером Шкарина иронию автора-повествователя по поводу упрямого и «неблагодарного» Наполеона, побрезговавшего курной избой и прошедшего ночь под открытым небом, у огня: «Наполеон дрожал от холода и весь посинел. Одним словом, совсем околевала упрямая французская душа» (с. 804). Добродушная шутка Шкарина, обратившегося к французу как к «господину французскому императору Наполеону IV» с просьбой согреться коньяком, вызывает последнего на решающее откровенное признание: «Я и есть Наполеон IV... да... Я есть незаконный сын французского герцога Рейхштадского... да... Я должен скрываться от французского правительства, которое давно меня разыскивает...» (с. 806). Данное признание молодого француза становится для присутствующих Шкарина и Штурма последним аргументом в пользу сумасшествия героя: «— Весьма один сумасшедший. Для пущей убедительности Карл Федорыч повертел пальцем у своего лба» (с. 806). Более того, склонный к математическим расчетам Карл Федорович, учившийся когда-то истории в школе, сразу же «припомнил, что если бы у герцога Рейхштадского и был действительно сын, то ему теперь было бы семьдесят лет» (с. 806) Таким образом, наполеонический комплекс, который примеривает на себя герой, на самом деле оказывается лишь клиническим случаем, диагностируемой формой тихого помешательства.

Образ Наполеона в своей мании величия на самом деле вызывает лишь чувство жалости. Не случайно в нем акцентируются именно детские черты: «Когда Наполеон чего-нибудь не мог понять, он удивлялся, как ребенок, которому показывают новую игрушку» (с. 802). Детская беззащитность, легкая ранимость и хроническая болезненность героя идут в сопровождении мотива жалости и доброжелательного к нему отношения: «Наполеон молчал и только как-то жалко моргал глазами. Карлу Федорычу опять сделалось его жаль» (с. 805); «Доброй Амалии Карловне почему-то казалось, что это самый несчастный человек. Мысль о бедных и несчастных людях неотступно преследовала Амалию

Карловну...» (с. 807); «Добрый старик [Карл Федорович] торжествующими глазами смотрел на гостя [Наполеона] и улыбался» (с. 808). Наконец, совершенно показательна фраза Карла Федоровича, столь необычно звучащая в устах баварского немца и окончательно (именно на русский манер!) реабилитирующая сумасшедшего француза: «Хоть и Наполеон, а, все-таки, сосед...» (с. 807).

Знаково-символическим оформлением наполеонического комплекса героя в рассказе становится внутреннее убранство его комнаты: «большой портрет Наполеона, висевший на стене, и бронзовая статуэтка его же, занимавшая видное место на письменном столе» (812)¹⁵. Обыгрывание данного интерьера (естественно, в снижено-бытовом варианте) приводит к заключительному обмену репликами героев — немца и француза: «Гости посидели и начали прощаться. Карл Федорыч знаком руки попросил Шкарина выйти в другую комнату, взял больного за руку и проговорил: “Так ты действительно Наполеон?” — “О, да... От вас я ничего не желаю скрывать... Да вот посмотрите на портрет моего деда и на его статуэтку... Я могу их предъявлять вместо паспорта...” — “Пока до свидания, Наполеон”...» (с. 813).

По ходу развертывания фабульного повествования (даже после исторической справки о герцоге Рейхштадском) все равно периодически всплывает фантасмагорическая природа французского Наполеона. И в финальных сценах рассказа подвыпивший Карл Федорович продолжает настаивать на том, что Наполеон — «это фальшивый монетчик» или «один контрабандист» (с. 810, 811). По словам автора-повествователя, Карл Федорович «даже всю ночь видел Наполеона. И, — что было всего обиднее, — он, честный баварец, помогал Наполеону надевать царскую мантию, подбитую белым горностаем, подавал ему императорскую корону и кричал: *Vive l'empereur!*» (с. 811). Гротесковый сон, увиденный честным баварским немцем, фиксирует исходную идею,

¹⁵ Указанная бытовая деталь интерьера заставляет вспомнить описание кабинета Онегина в одноименном романе Пушкина: «...И столбик с куклою чугуновой / Под шляпой с пасмурным челом, / С руками, сжатыми крестом» (*Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 5. С. 128*).

мотивирующую манию величия героя-француза. Отметим, что в указанном сне речь идет конечно же об исторически реальном Наполеоне Бонапарте, отце французской нации и, следовательно, дедушке больного героя, страдающего манией величия. В финале рассказа данный сон получает символически-бытовое соответствие. Недаром о сумасшедшем французе-соседе по прозвищу Наполеон в дискурсе автора-повествователя говорится: «Больной вышел, завернувшись в свое красное байковое одеяло, и еще раз поздоровался с гостями, причем Карл Федорыч заметил, что рука у него была горячая» (с. 813). Не выступает ли красное байковое одеяло в данной сцене своего рода заземленным вариантом царской мантии из красного бархата, подбитого белым горностаем?

Эпилог рассказа, графически отделенный от основной части (разговор приглашенного доктора Бухвостова и Карла Карловича) все ставит на свои места. Из него мы окончательно убеждаемся и так, казалось бы, в очевидном факте. Безапелляционно-иронические слова доктора не оставляют ни малейшей надежды на выздоровление героя: «Действительно, настоящий Наполеон... В нынешнем году уже третий Наполеон. Раньше были Бисмарки и Осман-Паши, а нынче урожай на Наполеонов. <...> Никакой надежды... Это самая опасная форма тихого помешательства» (с. 813).

Как известно, от великого до смешного всего один шаг¹⁶. Возвышенное граничит со смешным. Нечто подобное происходит и с наполеоническим комплексом. Так, например, высокие наполеоновские одежды, которые некогда примеривали на себя романтические герои-сверхчеловеки, в конце концов (о чем свидетельствуют уже герои Гоголя) переходят в сферу употребления простых, подчас даже «маленьких» людей, получая при этом сниженно-бытовое заземление в форме незатейливой авантюры или «тихого помешательства». Рассмотренный нами рассказ Мамина-Сибиряка с характерным названием «Наполеон» является тому прямым подтверждением.

¹⁶ Кстати, данное изречение нередко приписывают Наполеону, который, согласно преданию, повторял его во время своего отступления из России в декабре 1812 г.